

Нейтан затаил дыхание. Его руки двигались, словно лепили влажную глину.

Он сжимал, ласкал, размазывая пену, что делала эти карамельные щёчки ещё более божественными.

Задница Ливии перед ним блестела — мыльная вода медленно стекала по двум полушариям, подчёркивая, какой завораживающей может быть эта часть тела у крольчихи-бойца.

Его ладонь скользила по поверхности — надавливая, очерчивая круги, легонько шлёпая, — а затем снова лаская, словно тело Ливии было инструментом, а он — извращённым священником, с торжественной похотью играющим на виолончели.

Двумя пальцами он нацелился исследовать самую чувствительную зону карамели, раздвигая аппетитные складки, похожие на расплавленный шоколад — врата, откуда однажды выходила тёплая моча.

Кончик его пальца провёл по тонкой ложбинке, и, словно по шёпоту духа плодородия, влажная поверхность мягко пульснула в ответ.

Нейтан медленно поглаживал её — кружа, надавливая, а затем увлекая палец вглубь, будто в поисках тайной точки, сокрытой под нежной кожей и ароматом речной воды.

Ливия слегка вздрогнула, её бёдра задвигались, а крошечное отверстие вспыхнуло красным — влажное, дрожащее, готовое к большему.

— Х-х-хн-н... — Ливия издала тихий стон. Она склонила голову, её ягодицы напряглись, а затем подались назад, безмолвно умоляя изгибом дрожащего позвоночника.

— Т-ты как-то странно моешь... ах-хм... медленно... а-а-хн... мне так странно...

Ливия проскулила, её локти согнулись и потянулись к талии, словно у птенца, впервые пытающегося взлететь.

Тем временем впереди — Домина всё так же стояла на коленях. Она обернулась, её взгляд впился в член Нейтана. Он стоял неподвижно, потому что каждый нерв его тела был перенаправлен на священный акт ласкания тёплых складочек Ливии.

Его пальцы оставались погружёнными в Ливию, но взгляд медленно переместился вперёд — туда, где ждало другое искушение.

— Домина... — прошептал Нейтан почти со стоном.

Но женщина лишь улыбнулась, а затем наклонилась и прильнула к нему, будто пытаясь доказать, что играть с его членом — её идея веселья.

— Эй... не забывай обо мне... — сказала она, нежно глядя на головку.

Домина медленно вздохнула, а затем улыбнулась Нейтану.

— Я ещё не закончила... Помой меня, — тихо произнесла она, словно богиня, только что пробудившаяся от долгого сна.

Нейтан на мгновение замер. Его взгляд всё ещё был наполовину пленён карамельными изгибами Ливии. Но просьбу Домины нельзя было игнорировать.

— Снова повернись, — хрипло сказал Нейтан, как человек, изголодавшийся по остроте трения.

Но Домина медленно покачала головой.

— Моя голова уже достаточно чистая, — ответила она со спокойной улыбкой. — Другие части... ещё нет.

Нейтан сглотнул.

Затем Домина поднялась с колен. Вода мягко струилась по её коже. Белые волосы спадали на спину. А прямо перед Нейтаном оказалась пара большой, шоколадного цвета груди — мокрой, гладкой и слегка подрагивающей с каждым вздохом.

— Я хочу, чтобы ты помыл их... — тихо сказала Домина, предлагая свою грудь Нейтану. Не с силой. Но со спокойным изяществом — словно гражданин, умоляющий правительство о повышении минимальной зарплаты.

Нейтан схватил последний лист сапоа, лежавший рядом. Его руки дрожали.

— Хорошо, — прошептал он. — Ритуал начинается снова...

Нейтан медленно вылил сок сапоа на грудь Домины. Сок растёкся, как сливочный соус по идеально прожаренному мясу.

Домина слегка наклонилась вперёд. Её дыхание согревало собственную кожу, создавая лёгкую дымку на шоколадном теле. Она обхватила груди, мягко сжимая их вместе, словно готова ложе для чужеземного божества.

Нейтан шагнул вперёд. А потом ещё раз.

— Ты уверена, что именно эту часть нужно помыть? — спросил он глубоким голосом с ложной нерешительностью.

Домина взглянула на него из-под влажной чёлки.

— Абсолютно, — ответила она, сжимая свои мягкие холмы и выставляя их вперёд, как священные дары.

Нейтан вздохнул.

— Тогда начнём...

Он медленно направил себя между её холмами.

Тепло. Мягко. И слишком скользко, чтобы быть чем-то иным, кроме божественного.

— А-а-ах... — прошипел Нейтан, его тело слегка дрожало.

Домина лишь улыбалась, сжимая грудь с обеих сторон и создавая уютное, священное давление.

Нейтан начал двигаться — медленными, размеренными толчками, — позволяя себе скользить между её гладкой грудью, тёплой и пахнущей речным мылом.

Розоватая пена от сока сапоа растеклась по ложбинке, смазывая каждое движение.

— Это... может быть, самая сложная для мытья часть... — пробормотал Нейтан, глядя вниз, на себя, погребённого глубоко между блестящими дарами Домины.

Домина тихо усмехнулась.

— Тогда мой... мой её тщательно, — сказала крольчиха-боец, чья душа всё ещё была слишком чиста, чтобы осознать тяжесть греха.

Нейтан продолжал двигаться, его ритм был ровным, а внимание — сосредоточено на священном действе.

Но где-то по пути его пальцы забыли, как себя вести.

Ливия, всё ещё стоя лицом к реке, моргнула.

Что-то пробежало по её телу.

«Снова это чувство... ах-хм-м-м... будто нити... тянут... м-м-мх...»

Её мысли беззвучно металась в попытке осмыслить странное ощущение, распространявшееся у её карамельных врат.

Бёдра Нейтана на мгновение замедлились.

Но ритуал ещё не был окончен.

Он поднял левую руку — всё ещё скользкую от священной пены — и мягко обхватил ею свой ствол, словно держал священную кисть из древнего храма.

С глубоким вдохом, как монах, готовящийся писать небесную фреску, он провёл своей плотью по груди Домины.

Словно художник, пытающийся запечатлеть красоту горы перед ним.

Затем его движения внезапно стали грубее, словно у художника, который разнервничался, боясь, что его искусство проиграет точности ИИ.

Его мазки стали прерывистыми, немного скованными, как у того, кто слишком часто протестовал против ИИ, вместо того чтобы адаптироваться и самосовершенствоваться.

Домина тихо выдохнула. Её руки всё ещё сжимали ложбинку, но теперь её голова наклонилась, а глаза внимательно следили за сосредоточенным лицом Нейтана.

— Ты выглядишь обеспокоенным... тебе больно? — спросила она низким, мягким голосом.

Нейтан ответил не сразу.

Его взгляд был прикован к соку сапоа, тающему на её смуглой коже, обволакивающему каждый изгиб, смешиваясь с пеной и теплом.

Жидкость блестела под солнцем, оставляя на груди Домины странные следы — словно чернила на холсте дорогого абстрактного искусства, из тех, что никто не понимает, но защищают притворяющиеся знатоками, хотя на деле картина — лишь инструмент для отмывания денег с пафосной предысторией.

Пока Нейтан и Домина были поглощены своим интимным моментом, его пальцы всё ещё двигались по сокровенному полю другой крольчихи-бойца.

Ливия прикусила нижнюю губу.

Её тело начало дрожать.

Мышцы её бёдер напряглись, как натянутый лук.

Её пальцы ног вцепились в речное дно...

И в следующую секунду она выгнулась назад.

— А-а-ах... а-а-хм-м—!

Её голос сорвался, словно кипяток, попавший на голую кожу.

Силы покинули её.

Её взгляд опустел... но рот всё ещё был полуоткрыт, застыв в тепле оргазма.

Нейтан замер.

Домина, глядя на него, приподняла одну бровь.

— Что с ней случилось? — спросила она без особой обеспокоенности.

Ливия открыла глаза, её дыхание всё ещё было сбивчивым.

Она тяжело сглотнула.

— Было... очень хорошо...

Домина на мгновение замолчала.

А затем улыбнулась.

Улыбкой, слишком спокойной, чтобы называться невинной.

— Понятно, — пробормотала она.

Нейтан даже не успел ответить.

Домина уже двигалась.

Её руки упёрлись в дно, отталкивая тело назад.

Позвоночник изогнулся. Голова коснулась речного дна...

И без колебаний она встала в мостик.

Её бёдра широко раздвинулись.

Её тайное лоно было обращено к небу — словно источник греха, только что открывшийся для поклонения.

Её взгляд пронзил душу Нейтана.

Её губы произнесли последние священные слова этого дня:

— Теперь моя очередь...

<http://tl.rulate.ru/book/5418/180444>